

навыки и умения научной речи по специальности студента, предполагает обучение с опорой на глобальные общетехнические темы (электромагнитная экология, электромагнитный терроризм, проблемы климата и т.д.), при участии студентов в моделях реальной международной научной конференции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. **Арнольд, И.В.** Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. - 4-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 384 с.
2. **Гальперин, И.Р.** Очерки по стилистике английского языка. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. - 459 с.
3. **Зимняя, И.А.** Педагогическая психология. Учебник для вузов. Изд. второе, доп., испр. и перераб. — М.: Издательская корпорация «Логос», 2000. — 384 с.
4. **Комарова, Ю.А.** Дидактическая система формирования научно-исследовательской компетентности средствами иностранного языка в условиях последипломного образования. автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра пед. наук. специальность 13.00.02 <Теория и методика обучения и воспитания> - 2008.
5. **Рябцева, Н.К.** Научная речь на английском языке. Руководство по научному изложению. Словарь оборотов и сочетаемости общенаучной лексики: Новый словарь-справочник активного типа / Рябцева Н. К.; РАН. Ин-т языкознания.— Москва: Флинта: Наука, 1999. 598 с.
6. **Чернявская, В.Е.** Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. – М.: Книжный дом «ЛИБ РОКОМ», 2011. – 240 с.

УДК 811.111'25:378.147

Брагилевский Д.Ю.

Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия
им. А.Л. Штиглица

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ ПЕРЕВОДЧИКА» В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ ИНОСТРАННОЙ ЛЕКСИКИ

Изучение «ложных друзей переводчика» выступает одним из факторов мотивации студентов, помогает эксплицировать их знания, дополнительно активизирует механизмы ассоциативного мышления и стимулирует работу со словарями. Работа с «Ложными друзьями» позволяет ввести/получить понятие о важных механизмах трансформации значений, многомерности семантических связей синонимов и антонимов, полисемии и омонимии и таким образом, стать отправной точкой для системного изучения лексики.

Ключевые слова: «ложные друзья переводчика», мотивация, стратегия преподавания, лексический материал, функционирование лексики языка

Преподавание иностранного языка в неязыковом вузе, где он изначально не входит в число приоритетных дисциплин, затруднено не только слабой подготовкой студентов, но и полным отсутствием у них представления об устройстве языка, его законах и принципах функционирования. Несмотря на возросший в силу изменившихся реалий жизни интерес к языку, его изучение продолжает сталкиваться с объективными сложностями (подробней см. Брагилевский 2005), мешающими освоению этого предмета. В частности, одной из трудностей остается проблема активизации в процессе обучения имплицитного знания студентов, являющегося мощным скрытым резервом, практически не используемым обучающимися самостоятельно. В данной статье предлагается подход, с помощью которого можно попытаться найти пути преодоления барьеров, мешающих использовать такое знание, а заодно приблизить студентов к системному пониманию ряда существенных механизмов функционирования лексики языка.

Как известно путь к успешному обучению лежит через поиск правильной методики, одним из элементов которой является создание внутренней мотивации. Последняя, помимо осознания необходимости, полезности и даже престижности владения языком, обязательно должна включать в себя фактор интереса. У студентов неязыковых вузов, активно занятых преодолением трудностей в освоении основных для них дисциплин, имеется естественный соблазн минимизировать усилия, затрачиваемые на «непрофилирующие» предметы, двигаясь, как им кажется, самым простым путем. Они, как правило, полагают, что в тексте достаточно просто подставить русские слова вместо незнакомых иностранных и получится перевод. Не стоит их разочаровывать. Несмотря на ошибочность такого подхода, не учитывающего специфику языковых «картин мира» различных языков и, как следствие, другого структурирования реальности и способов ее языкового представления, даже на уровне сочетания слов, не говоря уже структуре предложения, можно создать иллюзию легкости, уделив особое внимание работе с лексикой. Такая работа, однако, не означает механического зазубривания списков слов и их форм. Вместо этого, для придания работе внутренней интриги можно использовать доставшийся нам из далекого прошлого инстинкт охотника и начать с увлекательного поиска (не борьбы с, но и не бегства от) скрытого врага, именуемого «ложные друзья переводчика».

Объективно говоря, давно бытующее название «ложные друзья переводчика», известное почти всем, кто сталкивается с изучением иностранного языка и переводом, представляется освященной традицией несколько односторонней интерпретацией данного феномена. Саму популярность термина можно попытаться объяснить странной парадоксальностью его внутренней формы, что придает хлесткость названию. Такие – быстрее врезаются в память и дольше там задерживаются. Чем неожиданнее, тем лучше: если друг («тесно связан доверием; защитник интересов» - БАС:V, 393) оказывается ложным («содержащий обман; имеющий

внешнее сходство с настоящим» БАС:IX, 281-2), а поэтому опасным (как известно, ложные опята опасней мухомора, кричащего издали своим запретительным красным светом: «Стоп! Я враг, не подходите»), то это уже достойная памяти коллизия. Конфронтация сем – некое семантическое «рассогласование» (Гак 1972:381), основанное на комбинации взаимоисключающих компонентов смысла – лучший стимул для памяти (сравним историю человечества, которая выглядит как перечень запоминающихся драматических коллизий и конфликтов).

Странность эта, очевидно, причина того, что сочетание «ложные друзья» обычно берется в кавычки вместе со словом «переводчик», кому они, по общему мнению, служат такую плохую службу. Эти кавычки, похоже, важны для понимания всего выражения. Если в кавычках, настоящий ли это переводчик, или такой же, как и его «ложные друзья»? Заметим также, что хотя в статьях, посвященных данному вопросу, и в словарях «ложных друзей переводчика» даются примеры коварства этих самых «ложных друзей», примеры эти, несмотря на убедительность, относительно малочисленны и не сопровождаются какой-либо статистикой. Создается впечатление, что проблема «ложных друзей», не касается настоящих переводчиков, а только тех, кто недостаточно подготовлен, не желает лишней раз заглядывать в словарь, либо, напротив, насколько «вжился» в язык оригинала, что значения некоторых слов начал переносить в родной. Сейчас, когда в русский язык хлынула масса заимствований и калек (*девелопер, маржа, сюрвейер, постер, прорыв, вызов, не работает* [в смысле не действует], *дорожная карта*, т.д.), подобное происходит почти повсеместно, и, зачастую, распространяясь через средства массовой информации, начинает восприниматься как вариант нормы. Но и в этом случае, такой «переводчик» – не самый высокий профессионал. В итоге получается в соответствии с известной пословицей: «Скажи мне, кто твой друг...». Она же оказывается актуальной и в обратном прочтении.

Если же говорить о сути явления, то мы, конечно, имеем дело с отголосками процессов, всегда сопровождающих язык, а значит – вынуждены будем, хотя бы кратко, дать студентам предысторию появления «ложных друзей переводчика» и рассказать о заимствовании лексических единиц для именования новых для принимающего языка вещей и понятий. Более «продвинутым» студентам можно сжато описать вероятностный сценарий «вживания» востребованных из другого языка слов в их конкретных значениях через трансформации с учетом уже существующих семантических полей, синонимических или антонимических рядов, нередко сопровождающиеся приобретением новых смысловых оттенков и специфической стилистической окраски, с одновременной потерей части первоначального значения. Проникновение заимствований в другой язык не проходит для них бесследно: им приходится адаптироваться в новой фонетической системе, обретать иное графическое представление своего звукового облика. В то же время слово, иногда целиком, но, чаще, за счет корневых морфем, продолжает

коррелировать с исходными словоформами языка-донора или со словами других языков (не только по тому, что заимствование могло произойти через язык-посредник, но и ввиду наличия генетически/исторически родственных языков, либо заимствований в такие языки), что создает полные или частичные совпадения в двух и более языках. При внимательном рассмотрении оказывается, что количество таких слов значительно превышает то, что дают словари «ложных друзей переводчика» (900 слов – Акуленко 1969, 1200 слов – Готлиб 1972, 1000 – Краснов 2004), измеряясь многими тысячами, а значит число известных обучающимся корневым морфем и их значений в разы больше, чем они склонны думать. Следовательно, использование содержащегося в «ложных друзьях переводчика» смыслового потенциала, может упростить изучение лексики иностранного языка, а не усложнить, как это принято считать.

Перевод – всего одна из форм обучения, но «ложные друзья переводчика» представляют также трудность при говорении, аудировании, составлении письменных документов и т.д., в силу необходимости правильного разграничения явлений, характеризующихся ограниченным набором отличий, оказываясь, если смотреть шире, проблемой выбора.

С учетом объективных трудностей системного описания и изучения «ложных друзей переводчика», классификация которых по различным параметрам может быть слишком многомерна, а семантические связи не всегда удастся с уверенностью установить, т. к. они слишком опосредованы, может возникнуть естественный вопрос о целесообразности использования данной группы слов на стадии, когда студенты практически не имеют структурированного представления о языке, и о вероятности реальной пользы от работы с такими словами. Ведь в действительности знание отдельных компонентов смысла не гарантирует понимания значения всего слова (см. примеры у Мешков 1986: 78-80), а значит, каждое слово приходится разбирать отдельно, т.е. все равно, что их просто учить обычным способом.

Учить, а точнее запоминать слова, конечно, необходимо, но при выполнении обычным способом такая работа может показаться неинтересной, тогда как в азарте поиска и обнаружения «ложных друзей переводчика» появляется возможность приобщить студентов к пониманию ряда существенных явлений языка и показать им, пусть и в первом приближении, важные механизмы трансформации значений слов, объяснить многомерность семантических связей синонимов и антонимов, рассказать о полисемии и омонимии, сравнить паронимы и омофоны. Непосредственное участие студентов позволяет им, при правильной постановке преподавателем наводящих вопросов, самостоятельно сделать некоторые выводы (при необходимости преподаватель может внести коррективы) и таким образом лучше уяснить себе данные явления. Как известно, достигнутое собственными усилиями, не только лучше задерживается в памяти, но и дает большее моральное удовлетворение, а также положительно сказывается на общих

результатах. А поскольку речь идет о типичном, а не единичном явлении, на него, несомненно, следует обратить внимание на самых ранних этапах обучения.

Данный подход не встречает внутреннего сопротивления студентов, так как для них – это естественный путь, который неосознанно выбирают они сами, когда начинают переводить тексты и, сталкиваясь с новым для себя видом деятельности, пребывают в растерянности из-за слишком большого количества задач, срочно требующих решения. Не имея времени посмотреть все слова в словаре и вдумываться в их значения для подбора синонимов, не говоря уж о построении концептуальных аналогов для преодоления формального несоответствия языков, они цепляются за любые «знакомые» фрагменты.

Признаем, что несмотря на всю методологическую ошибочность такого подхода, в действиях студентов есть логика, хотя и неправильная. Они пытаются решить свои проблемы, задействуя известные им и уже опробованные в других сферах алгоритмы (детальней см. Брагилевский, 2007): заменить неизвестное известным, т.е. сразу посмотреть все незнакомые слова и составить «свою» фразу, сгладив образующиеся «шероховатости» за счет «редактирования» смысла по собственному усмотрению. Однако перенос на иную сферу деятельности положительно себя зарекомендовавшего опыта далеко не всегда оправдан. Проблема усугубляется и тем, что обычные механизмы декодирования заложенной в тексте информации с помощью логического или образного мышления не срабатывают ввиду отсутствия полного набора данных, тогда как «ложный след» «ложного друга», уводит от цели. Невозможность мобилизовать обычный арсенал средств мешает созданию ментального образа, без которого нереально сделать осмысленный перевод.

Постижение языка – это процесс освоения вещей и понятий одновременно со способами их обозначения. Ко времени поступления в ВУЗ базовый этап данного процесса уже пройден, а основные знания о мире и отдельных явлениях, их параметрах, вместе с устойчивыми представлениями о взаимозависимостях, свойствах и качествах, уже усвоены, структурированы и увязаны с языковым инструментарием. Поскольку процессы обработки и передачи информации реализуются с опорой на систему языка, большинство представлений и ассоциаций почти однозначно репрезентируются в языковом социуме устойчивыми последовательности языковых знаков, однако способы описания разными языками реальности, как известно, не совпадают ввиду нетождественности видения мира. С учетом того, что изучение другого языка не просто подразумевает узнавание новых ярлыков для означивания реальной/идеальной субстанции, но и немислимо без усвоения непривычных для носителей другого языка иных системно-смысловых связей, обучающимся приходится заново выстраивать логико-смысловые ассоциации. Естественно, происходит бессознательный возврат к моделям родного языка.

Как известно, узнавание происходит через сопоставление с эталоном, а в

случае его отсутствия – с ближайшим субститутом. У начинающего изучение иностранного языка сравнивать не с чем. Аналогия, помогающая в обычных случаях за счет повторение действий в похожей ситуации, не срабатывает. Тогда начинается обращение к «видимым» фрагментам и построение ментального образа с опорой на знакомые элементы значения за счет свободного домысливая недостающих. Однако потенциальных вариантов слишком много и обычно даже общий контур не вырисовывается, не говоря уже о точном сходстве, что в итоге приводит к ошибкам (подмена признаков, манифестируемых через ложно интерпретируемые семы и их ассоциативные связи). Более того, внешние семантические «следы» в ложном направлении препятствуют включению обычного для человека механизма опоры на здравый смысл. Однако нестыковки фрагментов почти не смущают студентов, которые в жизни не стали бы нагромождать бессвязные фразы или делать несуразные движения.

Вероятно, так происходит еще и потому, что человек видит и воспринимает почти всё в соответствии с собственными установками. Если студентам не дать специальное задание на вчитывание в слова (а еще лучше – провести тренировки на сравнение похожих форм), то они будут следовать естественным алгоритмам взрослого человека, с большой скоростью понимающего речь и читающему за счет ухватывания семантически значимых фрагментов лексем с одновременной опорой на формальные показатели, часть из которых им могут быть еще незнакомы в чужом языке. Коррекционные возможные ошибок через контекст тоже пока нет. Оказывается, что применение данного алгоритма работы к еще недостаточно освоенному иностранному языку не продуктивно. Напротив, такой путь ведет, как уже сказано, к поверхностному выхватыванию «знакомых» (в реальности лишь внешне схожих) морфем и словоформ, только создающих видимость правильности. Тут неисклюшенного «переводчика» и подстерегают «ложные друзья», нарушающие системность связи знак-значение и своей непредсказуемостью лишаящие привычной опоры на коррелирующие со словами понятия. В итоге нарушается системность восприятия и понимания, а без них нет перевода.

Однако тем, кто не поддаются их «ложным» посулам, «ложные друзья переводчика» по-настоящему не мешают, Если их не просто найти и, так сказать, «разоблачить», но и использовать все, что может пригодиться для обучения, они могут сослужить добрую службу. Для этого следует, прежде всего, акцентировать не столько различие, что обычно делают авторы работ о них, сколько внимательно разобрать сходство. Ведь совпадают не только какие-то элементы графические и/или звуковые сегменты. Имеется несомненное совпадение части семного состава, что дает опору для осознанного запоминания слов и, помогая эксплицировать известные студентам элементы значения, с учетом необходимых корректив, способствует осмыслению новых слов, встраивающихся в готовые предметно-ассоциативные связи. В ходе такой

работы не только лучше запоминаются значения слов, но также устанавливается их частеречная принадлежность и функция в предложении, что помогает распознаванию структурного построения высказывания и повышает вероятность правильного понимания текста для его перевода.

Занимаясь переводом, студенты фактически обучаются языку, поэтому, имея дело со словами, они не просто ими оперируют, а приобщают к своему багажу знаний для повторного использования в дальнейшем. Как известно, любой поток информации содержит в себе референцию к общему знанию, с учетом которого подаются новые данные и строится реакция реципиента. Для запоминания слова его требуется удержать в памяти, что делается путем увязывания новой звуковой/графической оболочки и ассоциированного значения с уже известными словами и концептами соответствующей тематики, следовательно, имеющиеся в новом слове знакомые элементы смысла (семы) могут упростить процесс приобщения нового за счет того, что знание отдельных элементов смысла облегчает преодоление некоторых стоящих на пути такого приобщения, преград и часть пути уже оказывается пройденной изначально. В то же время, несовпадающие компоненты значения можно рассмотреть как контрастный фон, на котором лучше видится основное или как дополнительные повороты какой-либо существующей, а то и созданной нами истории (для целей запоминания это не важно).

Общеизвестно, что запоминание значительно облегчается, если памяти есть за что «зацепиться». Чем больше зацепок (вспомним зарубки для памяти, они же узелки) и чем они заметнее, тем лучше. Лучше всего в памяти удерживаются события. Мы помним массу историй о различных людях, происшествиях и даже вещах. Причем подробности нам не мешают. Напротив, их количество прямо пропорционально качеству запоминания, поскольку именно детали делают ее непохожей на аналогичные. Индивидуальность истории гарантирует ей свою нишу в памяти и помогает ей не затеряться среди других благодаря набору непохожих на окружающие фрагментов, создающим структурные, смысловые и/или стилистические контрасты. В тоже время в любой истории есть элементы, соотносящие ее с общеизвестными фактами и представлениями, апеллирующие к устойчивым для конкретного языка предметно-ассоциативным связям. Такие элементы служат звеном между конкретным и общим, помогая интегрировать новую информацию в уже имеющиеся соответствующим образом структурированные области ее хранения.

«Ложные друзья переводчика» являются подходящим материалом для построения запоминающихся историй. В них может быть потенциал для выстраивания «сюжета» за счет еще неизвестных учащимся поворотов и обманчивой простоты. Они одновременно и совпадают и контрастируют с известными словами и ассоциированными с такими словами значениями. Наряду с этим «ложные друзья переводчика» представляют собой удобное наглядное пособие для объяснения студентам-нефилологам важнейших

начальных сведений о принципах формирования, модификации и функционирования словарного состава языка. Конечно, далеко не все истории «ложных друзей переводчика» могут быть сюжетно насыщенными, но в любом случае их выстраивание значительно интересней простой зубрежки, поскольку дает повод проанализировать важные лингвистические явления и обнаружить системные связи в лексике изучаемого языка.

Нужно признать, однако, что не существует единых рецептов эмпирического декодирования заключенного в слове содержания, так как природа формирования смысловых связей и отбора необходимых для языкового социума значений подвержена воздействию слишком большого количества факторов. Поскольку в основе узнавания слова лежит ранее усвоенное знание о соотношенности его звуковой и/или графической формы со значением, с учетом возможных вариантов в пределах, допускаемых языком и рамками речевой ситуации или тематики текста, прозрачность либо непрозрачность внутренней формы не оказывает влияния на функционирование слова. Следовательно, без верификации найденные в «ложных друзьях переводчика» смысловые фрагменты не годятся для непосредственного использования в переводе, но могут быть привлечены для создания схемы увязывания данных слов с соответствующими понятийными сферами и, таким образом, облегчают запоминание. В этом качестве «ложные друзья переводчика» если и не превращаются в «истинных друзей», то уж, во всяком случае, не мешают, и как прирученные человеком существа способны ему служить.

В качестве примера рассмотрим статью на слово “partisan” в словаре 1969 г., где приводятся значения: 1. *приверженец, сторонник*. 2. *участник народного движения вооруженного сопротивления в стране, оккупированной врагом*. Дополнительно дается значение *вид алебарды, протазан*, также английский эквивалент значения 1 – *guerilla*. Все значения иллюстрируются предложениями, но параллели на уровне семантических компонентов, равно как и анализ внутренней формы отсутствуют. То же, но значительно лаконичней и без примеров находим в современном словаре Краснова (Краснов 2004).

К сожалению, для работы со студентами такая подача информации ничего не дает, поскольку кроме указания на то, что “partisan” не только «партизан», но еще и «приверженец, сторонник», а также «протазан», там больше ничего нет. Так можно представить любые слова, включая и не подпадающие под определение «ложные друзья переводчика».

Кажется логичным, подчеркнув несовпадение в русском языке первого, значительно более распространенного значения (во втором активнее используется “guerilla”), вывести его из второго, как уже понятного носителю русского языка, указав на важный для обоих слов общий смысловой компонент. По сути, мы имеем дело с двумя трактовками значения «сторонник» - тот, кто оказывает активную поддержку, борясь за идею (в основе - слово “party” – «группа сторонников», составляющих партию или отряд), причем партизаны

это делают вооруженным путем в тылу врага.

Далее смотрим на само слово “party” и видим там корень “part” - «часть» (партия и отряд состоят из частей, отдельных групп и людей), пришедшее в английский язык через фр. *partire* из лат. *partire* < *pars, partis*. Сразу закрепляем это значение, предложив параллели “to **part**” «разделять, разлучать, разнимать» (часть отделяется от целого), “**partly**” - «частично», “take **part/participate**” - «принимать (дословно «брать») участие/участвовать», в которых выделяем сегмент “part” - «часть» в том же значении. Сюда же добавляем родственные: **partial** - «частичный», **partially/in part** - «частично/отчасти», **participant** - «участник» и чуть более отдаленные “**particle**” - «частица», “**participle**” «причастие», “**particular**” - «частность/особенный». Заодно можно обратить внимание на многозначность слова “part”, способного приобретать в соответствующих сочетаниях и контекстах значения: «серия» (a film in two parts), «глава/раздел» (part 2 of the book), «часть/район» (best part of the city), «часть/деталь» (spare parts for the car), «роль» (to play/sing the part of) и т.д. В приведенных примерах слово «часть» фактически родовое по сравнению с видовыми «серия, раздел, глава, район, деталь». Внутренняя форма слова «роль» не столь явно указывает на «часть», так как это уже перенесенное значение, но все же ощущается как нечто вроде части, формирующей сюжетную линию произведения в актерском исполнении.

За счет почти полного совпадения в русском языке, данные слова понятны и легче запоминаются, что позволяет далее ввести несколько производных слов с этим же корнем, однако на этот раз сема «часть» в русских словах присутствует имплицитно: “**partition**” - «перегородка» (отделяет часть помещения/пространства), “**parting**” «пробор» (делит волосы на две части), “**part-time**” «неполный рабочий день» (часть рабочего дня), “**impart**” - «наделять/делиться» (т.е. отдавать часть чего-либо), “**apartment**” «квартира» [амер.] (часть многоэтажного дома для проживания отдельного человека или семьи), “**department**” - «отдел/отделение», “**compartment**” «купе» (в основе французское «отрезанный» через «отгороженная часть дилижанса»). В тоже время в русском языке имеется немало слов с корнем «часть», не связанном со значением «часть» (или эту связь утратившем): частота, частник, участливый, частичковый, участь, причастный, участок (полиции) или, напротив, с семой «часть», формально не представленной: «доля, дробь, пай».

Для контраста можно также упомянуть о появлении в русском языке слова «парт», что значит «часть»: «первые два парта и четвёртый скачались нормально, а 3й и 5й скачались с ошибкой» (из Интернета). Студенты, скорее всего, знают такое значение, что будет для них еще одной опорой. Есть также слово “**partner**” - «партнер» (принимает участие в деле, может иметь пай - часть капитала), где сегмент «парт» с тем же значением «часть» пришел в русский язык в составе заимствованного из французского языка слова.

Теперь время упомянуть о способах образования слов и о существующем в иностранном языке инвентаре в сравнении с русским, уделив внимание и

сходству и различиям (например, способности английского слова без изменения формы выступать в качестве различных частей речи и членов предложения), упомянуть о продуктивных суффиксах и их значениях. Можно сказать о параллельных способах представления мысли, начав с практически равнозначных “participate” (одно слово – глагол) и “take part” (два слова – *глагол+сущест.*); на этом примере также показать несводимость частей и целого, а заодно обратить внимание студентов на специфику видения реальности разными языками (тут же для иллюстрации прозрачные по своей внутренней форме: give a look - глянуть, make sure - убедиться, catch a cold – простудиться). В то же время имеет смысл провести сравнение “take part” с “partake”. Последнее в силу составляющих своей внутренней формы предполагает значение “take part” – «участвовать», но, хотя сема «часть» присутствует в виде фона, смысл иной: «разделять (радость/трапезу)», «вкушать/отведать». Это должно еще раз напомнить студентам о необходимости проверять значения даже кажущихся понятными слов, а также повод поговорить о паронимах.

Вернувшись к паре “participate” и “take part” можно подвести к разговору о синонимии, а затем обратиться к упомянутому ранее слову “guerilla” (из испанского guerra «война») как синониму “partisan”. Упомянув о принципах различия синонимов (оттенки значения, стилистика, употребительность и сочетаемость + почти полное отсутствие абсолютных синонимов), можно сказать о различиях, которые носители языка видят в этих двух словах: в слове “guerrilla” на первом плане скорее метод борьбы с противником, тогда как слово “partisan” подразумевает сражающегося против иноземных оккупантов. Естественно, есть контексты, где они могут взаимозаменяться или случаи, когда авторы не вдаются в оттенки и используют одно слово вместо другого. Несколько синонимов («доля, дробь, пай») были упомянуты выше.

Здесь же можно дать пример антонимов как слов с общей интегральной семой и обязательной дифференциальной **partial** «частичный» – **partless** целый (не имеющий частей), где значение достигается за счет прибавления отрицательного суффикса. Для иллюстрации распространенности разнокоренных антонимов также сравним редкое partless с высокочастотным whole.

Используя тот же графический ряд “part” можно объяснить явление омонимии на примере генетически не связанных с “part” слов: partridge – «куропатка», partlet – «воротник с рюшем», parterre «цветник». Затем, вернувшись к значению «протазан» (старинное копье с наконечником, обычно в виде трилистника), происхождение которого, скорее всего, генетически не связано со словом “part” (OED не дает однозначного варианта), предложить студентам, основываясь на форме наконечника, мысленно увязать ее со словом «часть» – “part” для лучшего запоминания, поскольку образ тоже служит памяти.

Далее есть смысл упомянуть о вхождении слова “part” в идиоматические сочетания типа “part and parcel” или “oyster part”, в которых семантика хорошо

видна в английском, но напрямую не ощущается в русском, что дает повод сказать несколько слов о фразеологии.

Потенциал пары “part” – «часть» далеко не исчерпан, как и почти бесконечный список слов, относящихся к категории «ложных друзей переводчика».

Таким образом, при соответствующем подходе «ложные друзья переводчика» представляют не больше сложности для перевода, чем другие иностранные слова. Они не вводят в заблуждение тех, кто о них знает, но интересны как удобный иллюстративный материал в процессе обучения студентов иностранному языку, поскольку позволяет эксплицировать уже имеющиеся знания и могут послужить отправной точкой для системного изучения лексики, подготавливая студентов к видению языка как упорядоченной данности. Целенаправленный поиск «ложных друзей переводчика», выступающий одним из факторов мотивации студентов, помогает эксплицировать их знания, дополнительно активизирует механизмы ассоциативного мышления и стимулирует работу со словарями, являясь, по сути, первым шагом на пути к более глубокому проникновению в «тайны» лексики, знакомясь с которой студент получает шанс заинтересоваться, а значит захотеть узнать еще больше, идя вглубь и вширь. Через знание может прийти понимание, а через него – новое знание на более высоком уровне и настоящий интерес, возникающий именно от хорошего знакомства с предметом. Если начать с таких слов, можно не только подготовить плацдарм для приобретения новых знаний (движение вперед без отталкивания от опоры невозможно), но и обрести уверенность, что с «ложными друзьями переводчика» никаких проблем не возникнет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. **Акуленко В.В., Комиссарчик С.Ю., Погорелова Р.В.** и др. Англо-русский и русско-английский словарь "ложных друзей переводчика" М., 1969.
2. **Акуленко В. О** "ложных друзьях переводчика" // Англо-русский и русско-английский словарь "ложных друзей переводчика" М.1969, С. 371-384.
3. **Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В.** и др. Новый большой англо-русский словарь т. I-III. М. 1993-94.
4. БАС – Большой академический словарь русского языка. т.5. М.-СПб, 2006; т.9 М.-СПб, 2007.
5. **Брагилевский Д.Ю.** Роль перевода в преодолении объективных трудностей обучения иностранному языку студентов непрофильных специальностей // Вопросы методики преподавания в вузе. СПб: Изд-во Политехн. Ун-та, 2005, вып.VIII (специальный) - С.92-99.
6. **Брагилевский Д.Ю.** О некоторых аспектах обучения переводу студентов художественных специальностей // Вопросы методики преподавания в вузе. СПб. Политехнический университет, 2007, вып. X, С. 154-159.
7. **Готлиб К.Г.** Словарь «ложных друзей переводчика» (русско-немецкий и немецко-русский). М. 1972
8. **Гак В.Г.** К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной

лингвистики. 1971. - М., 1972., С. 367-395.

9. **Краснов К. В.** Англо-русский словарь "ложных друзей переводчика" М. 2004

10. The American Heritage Dictionary, 3d ed. 1993

11. The Oxford English Dictionary V. I-XX. Oxford University Press. 2nd ed., 1989. (OED)

УДК 811.111'42

Володарская Е.Б.

Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ УСТНОГО И ПИСЬМЕННОГО ОБЩЕНИЯ У СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Автор статьи отмечает международный статус английского языка и необходимость владения им для достижения эффективной коммуникации в деловой сфере. Рассматриваются способы формирования навыков устного и письменного видов делового общения у студентов факультета экономики и менеджмента. Выделяются такие методы как письменное реферирование первичных документов и устное реферирования («рендеринг»), а также их цели, задачи и особенности.

Ключевые слова: деловое общение, устное и письменное общение, письменное реферирование, устное реферирование («рендеринг»)

На современном этапе развития человечества английский язык — самое распространенное средство общения в международном масштабе: следует отметить, что каждый четвертый житель планеты использует его в одном из трех качеств — родной язык (first language), государственный язык (second language), иностранный язык (foreign language).

Признание английского языка как официального в 60 странах мира и его статус самого востребованного иностранного позволяют говорить о нем как о мировом языке (a world language). [1]

Однако количество говорящих на языке и его повсеместное распространение едва ли могут считаться единственными причинами международного статуса. Выдвижение языка на роль мирового обусловлено в существенной мере политическим, военным и экономическим влиянием того или иного государства, что имеет прямое отношение к английскому языку, международное признание которого вызвано господством англоговорящих держав. [2]

Вследствие вышесказанного, следует подчеркнуть, что на современном этапе развития международного сообщества именно английский язык полноправно выполняет роль языка-посредника, содействуя взаимодействию и интеграции в мировом масштабе.